

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Начало	7
Пространство и сотрудники	19
Больница № 2	35
Психология сотрудника	47
Кто сидит и как сидит	53
Знакомство с Пиночетом	69
Как мы работали до обеда	77
Как мы работали после обеда	95
Наши пациенты	109
Тоже наши пациенты	131
Диагнозы на отделении	147
Жизнь внутри отделения	163
Как я там жил	177
Заключение	195

ВВЕДЕНИЕ

«А воровской припев такой — семь лет не вышка»*.

Именно столько лет я проработал врачом в следственном изоляторе. А дальше не смог. Что-то екнуло, что-то понял — и дальше не смог.

Большинство людей, которые попадают в эту систему, и не важно — в качестве работников или спецконтингента, остаются с ней на всю жизнь. Количество лет, проведенных за решеткой, является своеобразным предметом хвастовства как сидящих, так и их охраняющих. «Я сорок лет в системе», — с гордостью произносит сотрудник, и абсолютно так же козыряет этим заключенный. Что лишний раз подтверждает старую мудрость, что сотрудника от жулика отличает лишь наличие формы.

Я буду рассказывать про одну определенную тюрьму. Про СИЗО-1 «Кресты», что в Санкт-Петербурге. Я бывал и в других учреждениях. В качестве гостя или врача-консультанта. Но я не буду их сравнивать.

* «Первый срок», Сергей Куприк (группа «Лесоповал»).

«Мой дом — тюрьма, тюрьма — мой дом»*.

Для меня домом были старые «Кресты», что до сих пор стоят на Арсенальной набережной.

В 2017 году, через полгода после моего увольнения, формально закончилось строительство «самого большого и современного следственного изолятора в Европе», построенного тоже в форме крестов в Ленинградской области. Тогда же случился большой переезд. «Кресты» частично опустели. На их территорию перевели колонию-поселение, временно, пока администрация города и Федеральная служба исполнения наказаний (она же ФСИН) решают вопрос о дальнейшей эксплуатации этого «памятника архитектуры».

Для меня «Кресты» были самым уютным и спокойным местом. Я приходил туда как к себе домой, мне там было хорошо. Я знал свое место. Знал, что я делаю и зачем. Я ощущал свою нужность, свою, как говорят психологи, «самость». Свою личность я обрел именно там. Я с удовольствием оставался на суточные дежурства, потому что мне нравилось быть там в любое время суток. И ночью в том числе.

«Кресты» — это клубок, огромный концентратор человеческих душ и судеб, переплетающихся весьма неоднозначно и витиевато. Это ощущалось физически, и в этой непостижимой метафизической массе мне было невероятно комфортно.

В этой книге не будет сенсационных разоблачений, да и имена, кроме моего, будут изменены. Я действительно до сих пор очень люблю то место и то время и не буду пытаться его очернить или опозорить. В первую очередь моя цель — показать на собственном примере обыденность ужаса.

* «Тюрьма», Илья Кнабенгоф (группа «Пилот»).

НАЧАЛО

В совсем юном возрасте, когда маленький человек думает, кем бы он хотел стать в этой жизни, он примеряет на себя роли взрослых и моделирует в воображении различные ситуации с собой в главной роли. Чаще всего в этих фантазиях на передний план выходят победы, достижения и некоторые наивные моральные обоснования, почему так, а не иначе.

Когда мне было лет 14–15, я делал так же. А еще я был склонен к рефлексии и примитивному самоанализу. Я скрупулезно копался в своих немногих навыках и умениях, пытаюсь понять, что у меня получается хорошо и что мне нравится делать.

Тогда, да и сейчас, мне нравилась роль наблюдателя. Как в зоопарке, но только не за обезьянками, а за людьми вокруг. Я смотрел на человека и сам для себя прогнозировал его поведение в той или иной житейской ситуации. Не в экстремальной, невероятной или сложной, а в самой обычной. В той, где я мог проверить свои предположения. И радовался, что оказался прав, когда такая ситуация происходила.

Еще для меня было важным то, что я не хотел участвовать ни в какой конкуренции. Мне претит сама идея соревнования.

То, что кто-то должен быть лучше, а кто-то неминуемо окажется хуже, слабее и прочее, не нравилось мне с самого детства.

В этом виноват папа. Он сам так думал и нередко говорил на эту тему со мной. Он всегда повторял: «Если хочешь быть первым — не стоит идти вперед. Иди в сторону. Ты будешь единственным, а следовательно, первым».

Логично, что меня увлекла психология. Но я решительно не понимал практического применения этой профессии. Со временем, еще в старших классах школы, а потом и на первых курсах медицинского института, я заинтересовался психопатологией. Не имея специальных знаний, я каким-то внутренним чутьем мог увидеть ее (психопатологию) в окружающих меня людях или же случайных знакомых.

И как снежный ком, обрастая подробностями и наблюдениями, росло понимание: мое будущее — это психиатрия.

После третьего курса появилась возможность работать медбратом. Естественно, я устроился в психиатрический стационар. И впервые почувствовал себя дома. Меня ничего не удивляло. Все было понятным, уютным и родным.

Студентом я успел поработать в двух разных психиатрических больницах и в частной наркологической клинике. А дальше — ординатура в одном из лучших институтов Питера. Окончив ординатуру, я начал искать работу в какой-нибудь психиатрической клинике города. Но меня никто не брал.

И так пошел бродить по плану и без плана,
И в лагерях я побывал разочков пять,
А в тридцать третьем, с окончанием канала,
Решил с преступностью покончить и порвать.

Приехал в город — позабыл его название, —
 Хотел на фабрику работать поступить, —
 Но мне сказали: «Вы отбыли наказание,
 Так что мы просим вас наш адрес позабыть!»

И так пошел бродить от фабрики к заводу,
 Везде слышал один и тот же разговор.
 Так для чего ж я добывал себе свободу,
 Когда по-старому, по-прежнему я — вор?!*

Я приходил в отдел кадров очередной психиатрической больницы, их устраивали мои документы, и меня отправляли знакомиться с главврачом. Ему я рассказывал, кто я и откуда. И мне никто не отказывал сразу. Просили подождать пару дней. За это время совершался созвон с кафедрой, которую я окончил. Профессор давал мне нелестную характеристику, затем шел отказ по какой-нибудь формальной причине. То беременные неожиданно возвращались из декрета, то перепутали штатное расписание, то еще какой-нибудь бред. В Питере десять психиатрических больниц. Мне отказали в семи из них. На это ушло два месяца.

Почему так? А нечего дерзить профессорам и не соблюдать субординацию. Они этого не любят. У них чванства, спеси и гордыни больше, чем у кого бы то ни было.

В своих метаниях по поводу того, что же делать с карьерой и жизнью в целом, я пришел на 13-ю специализированную подстанцию скорой психиатрической помощи. Меня согласились взять. Но через год. Обязательным условием работы врачом в составе специализированной бригады является наличие

* «Я — сын подпольного рабочего-партийца...», автор неизвестен, наиболее известно исполнение Владимира Высоцкого.

двух (минимум) дипломов — врача скорой помощи и врача-психиатра. Я погрузился, подумал и пошел учиться в интернатуру. Снова студент.

Учебу на «скорика» я не воспринимал как что-то серьезное, особенно после разговора с начальником учебного отдела, который расспросил, «кто я, куда я», выяснил, что я пришел учиться для трудоустройства на 13-ю подстанцию, и сказал: «Ну, ты посмотри расписание, какие лекции нужны — походи. Когда будут зачеты и экзамен — я тебе сообщу».

Я продолжил искать вакансии и периодически совался на различные собеседования. В основном в маленькие частные конторки. Они, в отличие от городских больниц, готовы были меня брать. Но артачился я — то из-за низкой зарплаты, то из-за непонятного правового статуса заведения, то еще из-за какой-нибудь глупости.

Надо сказать, что я никогда не рассылал свое резюме. Во-первых, мне было важно приехать и своими глазами посмотреть, что это за организация. Я ориентировался не столько на какие-то объективные факторы, сколько на свои ощущения от того места, куда я приехал. А во-вторых, «торговать лицом», то есть производить впечатление при личной встрече, у меня всегда получалось лучше, чем вступать в переписку или договариваться по телефону.

Очередной раз лазая по сайтам с вакансиями, я наткнулся на объявление, что в СИЗО-1 требуется врач-психиатр на 0,5 оклада, с какой-то низкой до смешного зарплатой. С учетом учебы на врача скорой помощи работа на полставки меня устраивала. И я пошел. Не столько трудоустроившись, сколько посмотреть на это место. Ведь любому интересно увидеть тюрьму изнутри, особенно когда никогда там не бывал.

Я в тюрьме

Уже при первом посещении тюрьмы это место показалось мне родным. Будто я всегда здесь был. В этих обшарпанных стенах, среди массы хмурых людей чувствовались сила, основательность и время. Оно было густое, плотное и со специфическим запахом.

В первый свой визит я думал, что это собеседование перед приемом на работу, переживал и даже готовился. Оказалось, это не столько собеседование, сколько приоткрытая дверца, в которую я заглянул из любопытства, а с той стороны предложили войти, причем так, что сразу стало понятно — меня давно ждали.

Когда я только вошел на территорию психиатрического отделения, меня ошарашил крик. Вопль. «ДУРДОМ!» — это начальница так отвечала на все входящие звонки. Она была очень громкой, большой и добродушной. Женщина в погонах майора, крайне эксцентричная и проницательная особа. И вместо того чтобы показывать отделение, куда меня привел какой-то сотрудник, она тут же усадила меня пить чай.

Такое собеседование меня изумило. Таким оно у меня было единственный раз в жизни. Где официоз? Где полчаса ожидания, прежде чем войти в кабинет начальника? Где надменный и оценивающий взгляд сверху вниз?

Буквально через пару минут в ее маленький кабинетик вихрем ворвался какой-то бодрый старичок с усами и чашкой кофе в руке. Впоследствии сыгравший важнейшую роль в моей судьбе человек. Мне не задали ни одного вопроса. Спрашивал только я. На мои расспросы отвечал в основном он.

— Какая работа мне предстоит?

■

Когда я только вошел
на территорию
психиатрического отделения,
меня ошарашил крик. Вопль.
«ДУРДОМ!» —
это начальница так отвечала
на все входящие звонки.

■

— Работать? В тюрьме не надо работать, в тюрьме надо быть.

— С какими пациентами предстоит работать?

— Ургентная психиатрия.

— Каков средний период лечения на отделении?

— СИЗО, следственный изолятор, называют вокзалом, и это очень точное определение. Кто-то здесь на час-два, кто-то на день, неделю, месяц. Другие задерживаются годами. У нас был пациент, который лежал на отделении три года, — судья потеряла дело, а он нигде не спешил, вел себя незаметно, и про него все забыли...

У меня было много вопросов. Я всегда предполагал, что все отделения устроены примерно одинаково. И это так. Но нюансы... Здесь их было слишком много.

К концу нашей беседы к нам присоединился прихрамывающий, с огромными руками главврач. С ним разговор был уже более предметным и конкретным.

Тогда я ничего не понял... Но решил остаться.

А потом органы безопасности два месяца проверяли мою благонадежность, и под конец календарного года меня взяли. Оформив меня на полставки, главврач сказал, что мне надо приходить два раза в неделю.

Ага.

Я был как влюбленный школьник, который впервые ощутил радость женских объятий. Я был готов на все, лишь бы пребывать в них все свое время, прерываясь лишь на короткий сон и отправление естественных нужд. Я приходил на весь рабочий день, каждый день. Первые месяцы ни черта не понимал, но не хотел уходить.

Как-то очень быстро я врос в эту систему. В пенитенциарную систему. Или я и был ее частью, или она меня так легко приняла. Уже через полгода, помимо основной работы в «Крестах», я консультировал женский изолятор и строгую колонию, куда приезжал раз или два в неделю.

Первые два года я проработал в качестве вольнонаемного сотрудника, ведь аттестованная врачебная ставка была только одна. И она была у начальницы отделения. В этом были и плюсы, и минусы. Как вольнонаемного меня не касалась вся та часть работы, которая относится к «несению службы». Ни внезапных построений, ни рапортов начальству, ни прочей рутины человека в погонах. В остальном же я подчинялся тому же режиму и делал ту же работу, что и все сотрудники.

Одним из очевидных плюсов для меня был тот факт, что мне не нужно было носить форму. Если первое время я регулярно носил халат, чтобы у встречаемых было понимание, кто я вообще такой, то через несколько месяцев, когда большинство уже знало меня в лицо, я вовсе перестал его надевать. Это меня радовало. Терпеть не могу форму в каком бы то ни было виде. Даже в период моей работы на скорой помощи я стремился не носить форму, накидывая служебную куртку с красным крестом поверх повседневной одежды только перед посещением очередного адреса.

За два года все руководство привыкло видеть меня только в рубашке или пиджаке. И, уже когда я получил погоны, это сослужило мне добрую службу: меня не заставляли облачаться в эту синенькую форму с красными полосами на брюках. Точнее, это был своеобразный триггер, знак, что кто-то из начальства недоволен моей работой, но прямо «предъявить» ему нечего. В этой ситуации начинались придирки —

почему я не в форме на режимной территории. Поняв причину «предъявы» и все исправив, я снова облачался в привычную мне одежду.

В первый же день моей работы мне выделили отдельный кабинет.

Кабинет! Не место за столом, не стол в углу общего помещения, а полноценный, только мой кабинет.

Он представлял собой помещение в 7,5 квадратного метра — бывшая камера со столом, стулом и вешалкой. И все. Вообще все...

Я был счастлив безмерно. Первый день — а у меня отдельный кабинет!

Когда я только вышел на работу, начальница отделения была в отпуске. Тот самый старичок с усами исполнял ее обязанности и, казалось, очень нехотя и не торопясь вводил меня в жизнь отделения. Оглядевшись, я обнаружил, что не до конца понимаю, как именно проходит рабочий процесс, и решил поступить самым простым образом. Когда не уверен в себе — выполняй инструкцию. Даже если где-то ошибешься — всегда можно будет сказать, что делал так, как написано.

Но должностной инструкции не оказалось. Ее не было вообще. Ни у кого. Тотальное разгильдяйство — одна из ключевых особенностей пенитенциарной системы России. Позже, года через три работы на отделении, когда я был уже его начальником, я сам писал эти инструкции на всех сотрудников для какой-то очередной проверки. Ладно.

Вроде у меня есть какой-никакой опыт и интуиция. В первые дни я решил не лезть на рожон, не проявлять инициативу, а выполнять только то, что мне скажут.

Собственно работа врача на этом отделении состояла из четырех компонентов:

- 1) ведение (диагностика, лечение) пациентов отделения;
- 2) амбулаторное консультирование;
- 3) первичный осмотр всех вновь прибывших в СИЗО;
- 4) работа с документами.

Сначала у меня были какие-то единичные пациенты, которых я курировал самостоятельно, согласовывая с начальницей только назначаемую терапию. Я прилежно исполнял все, что мне говорили, и старался не делать ни шага в сторону.

Постепенно и первым делом на меня переложили самую нудную часть работы — входящую корреспонденцию и ответы на все многочисленные запросы из судов, следственных органов, от адвокатов, общественных наблюдателей и так далее.

Почему-то мне всю жизнь везет. Мое же окружение бережет меня от всякой мерзости бытия. К примеру, еще в школе мои друзья-одноклассники курили класса с седьмого. Я же был очень домашним, и у меня не было стремления к этому занятию. Тусить с курящими друзьями я мог и без этого. В десятом классе, когда была очередная вечеринка у меня дома, все они курили на моем же балконе. Я зашел к ним и попросил тоже дать сигаретку. Так эти злодеи выгнали меня с балкона и не разрешили. Курить я начал примерно в тот же период, но делал это скрытно от друзей, назло им и только один.

Или в институте. Многие мои товарищи, в том числе и близкие друзья, с завидной регулярностью принимали или курили запрещенные вещества. И ни разу не предлагали мне. Даже не говорили об этом. Ни разу не предложили. Сволочи. Что уж тут.

Так и в СИЗО мои коллеги долго, очень долго ограждали меня от темной стороны тюремной жизни. Я воспринимал свое отделение как обычный психиатрический стационар, только в специфических условиях. Меня даже несколько расстраивал этот факт. Начитавшись книжек и наслушавшись различных историй, я представлял себе, что буду играть в героя. В того персонажа, который, весь в белом, насмерть бьется на арене цирка с несправедливостью этого мира.

В первое время это было обычной врачебной работой. Очень интересной, разнообразной, интенсивной, но без пресловутой карательной психиатрии и грубых нарушений чужих прав и свобод.

Вот такое начало. Далее не будет линейного повествования, а будет длинный рассказ о том, как я вижу тюрьму и тех, кто там обитает.

И еще уточнение. Когда я говорю «мы» — я подразумеваю психиатрическое отделение. Впрочем, когда я говорю «я» — чаще всего тоже подразумеваю отделение.

ПРОСТРАНСТВО И СОТРУДНИКИ

СИЗО — это специфическое место, где находятся люди, которым предъявили обвинение в каком-либо преступлении. То есть казус заключается в том, что их преступление еще не доказано, а они уже сидят. В определенных ситуациях, когда преступление очевидно и человек представляет явную угрозу обществу, это может быть оправданно. В большинстве же случаев это оригинальный способ потратить государственные деньги и сломать жизнь человеку.

Если придирается к терминам, то тюрьма и СИЗО — разные вещи. Следственный изолятор (СИЗО) — учреждение, обеспечивающее изоляцию подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных. Тюрьма — пенитенциарное учреждение:

место, где люди содержатся в заключении в качестве наказания, которое может быть наложено государством за совершение преступления. Но я буду использовать эти слова как синонимы. Во-первых, «Кресты» раньше были тюрьмой, во-вторых, структурно они похожи, а в-третьих, мне так удобно.

Театр начинается с вешалки, а тюрьма начинается с КПП, контрольно-пропускного пункта.

Итак, КПП. Вход в СИЗО «Кресты» для персонала находится на Арсенальной набережной. Большая черная дверь и незаметный звонок. Нажимаем кнопку, и дверь отпирается. Попадаем в первое помещение, где есть запертый проход вглубь режимной территории и большое тонированное стекло. За этим стеклом сидит сотрудник, который имеет возможность внимательно осмотреть тех, кто вошел. В некоторых случаях даже принять решение никого не впускать до особого распоряжения.

В этот предбанник запускали всех, но проход в следующую дверь был возможен одновременно группой не более трех человек. Это уже был контроль. Следовало сдать служебное удостоверение или временный пропуск, телефон и оружие, если таковые имелись. Взамен выдавались пластиковые карточки с номерком, которые при выходе обменивались обратно на сданные предметы.

Еще одна дверь — и попадаешь на территорию.

Если сразу повернуть налево, там дежурная часть. В любом пенитенциарном учреждении есть дежурная часть, место, где дислоцируется «смена». Это люди, сотрудники, которые контролируют все процессы, происходящие в изоляторе в течение суток, и несут ответственность за эти процессы. Есть четыре смены. Начальник смены подчиняется напрямую начальнику

СИЗО и, по сути, является его глазами, ушами и руками. Любые возникающие вопросы докладываются и решаются в первую очередь с ним.

Прямо — рамка металлодетектора и проверка содержимого сумок и карманов на предмет наличия запрещенных вещей. Это все рутина. Весь процесс входа занимает не больше одной-двух минут. Пройдя КПП, попадаешь на улицу, во внутренний дворик. Там импровизированный плац, на котором осуществлялись регулярные построения сотрудников: смотр зимней и летней формы, прослушивание гимна, раздача наград и поощрений. И прочее, столь характерное для ведомственных структур.

Если свернуть налево, попадешь в столовую для сотрудников. Направо — огромная кирпичная стена, за которой «воля». Прямо — большое здание административного корпуса, увенчанное куполом тюремного храма. Несколько ступенек вверх, пересечь коридор — и упираешься в большие двустворчатые двери этого храма. И черт бы с ним. По этому коридору налево. В этом крыле административного корпуса для меня были важны два кабинета — кабинет начальника изолятора и кабинет его заместителя по оперативной работе. В правом крыле были канцелярия и кабинеты других служб. И проход. Проход на режимную территорию.

На режимной территории располагались сами кресты, где содержались подследственные, — два огромных крестообразных здания в четыре этажа. В пять, если считать с подвалом. Каждый луч креста — это режимный корпус, состоящий из четырех вертикальных галерей, с узким проходом вдоль стен и такими же узкими железными лестницами между этажами. Если встать в центре креста, то окажешься в центре круга. Такая

вот занимательная геометрия. На каждом этаже «на кругу» находились служебные кабинеты — медицинских работников, оперативных сотрудников, технические помещения. Еще оттуда можно дотянуться взглядом практически до любой точки здания. Куда ни глянь — везде камеры, где сидят арестанты. Некоторые лучи несли особую функцию — сборный корпус, карцер, психиатрическое отделение, корпус для ПЖ.

Значимость жутких образов и ассоциаций в «Крестах» никуда не деть. Они повсюду. Вот и корпус ПЖ — корпус, где содержались приговоренные к пожизненному заключению до момента отправки их к месту отбытия наказания. Он имел номер 2/1. А раньше, до принятия моратория на смертную казнь, в подвале именно этого корпуса осуществлялись расстрелы. Одно из самых мрачных мест в изоляторе. Все сидят в основном по одному. Видеонаблюдение в каждой камере. Чтобы вывести человека в кабинет врача, нужно уведомить руководство и собрать не менее трех сотрудников сопровождения.

Белый домик — маленькое одноэтажное здание, расположенное буквально в пяти метрах от входа на первый крест, где сидели работники службы тыла. Это служба, которая отвечала за материальное обеспечение изолятора. У них можно было «отмутить», получить почти все, если правильно попросить...

А еще барак и клуб для заключенных, отбывающих наказание и работающих в хозотряде. Это осужденные, которые имеют не очень большие сроки и выразили желание остаться в следственном изоляторе. Практически всю работу делают именно они. Весь неквалифицированный труд — их. А те, что с образованием и достаточно неглупы, выполняют немало работы за сотрудников. Начиная от сантехников, электриков, автослесарей и заканчивая компьютерщиками и помощниками врачей.

Однажды мне мой бригадир санитаров сказал так: «В тюрьме работают хорошо все службы. Кроме спецчасти — там зеков нет».

Далее. Двухэтажное здание с большой кухней, где готовилась пища для всех арестантов. Ненавижу запах еды в казенных учреждениях. Во всех он одинаков. Начиная от школ и детских садов и заканчивая многопрофильными больницами и пенитенциарной системой. Причем формально это может быть весьма неплохая пища, как по качеству, так и по органолептическим свойствам.

В плане еды перед администрацией стояла нетривиальная (или, наоборот, свертривиальная) задача: сэкономить как можно больше и чтобы у людей не было претензий. И как-то у нас с ней справлялись. Мне же в дни, когда я оставался дежурным медиком, приходилось снимать пробу с этих огромных баков с варевом. Тошнотворно, но что поделать. Гораздо занятнее — это раздача пищи. В СИЗО нет возможности выводить заключенных в столовую. Такая особенность режима. Потому еду три раза в день разносят по камерам. Специально обученные зеки из хозотряда приходят на кухню. Сначала полные баки, объемом примерно 30–40 литров, выносятся на улицу и выставляются в ряд по четыре-пять штук. Парни выстраиваются в шеренгу между ними и паровозиком бодро несут баки на корпуса. Самое сложное — это когда им все так же приходится подниматься по узким крутым железным лестницам между этажами. Затем уже другой зек из хозотряда разносит еду по «кормушкам» — маленьким проемам в двери каждой камеры. И такая канитель три раза в день.

А на втором этаже этого здания было подобие актового зала, где периодически проводились собрания работников. Когда приезжал очередной артист, который жаждал популярности,

■

Однажды мне мой бригадир санитаров сказал так:
«В тюрьме работают
хорошо все службы.
Кроме спецчасти —
там зеков нет».

■

или очередной религиозный деятель, то там могли собирать как заключенных, так и сотрудников. Или и тех и других вместе. Сотрудникам там же приходилось выслушивать всяких генералов и прочих больших руководителей, которым нужно было непременно понимающе кивать. Я же читал там лекции для работников о вреде курения и алкоголизма.

Сама больница имела отдельный корпус в три этажа и стояла рядом с северным забором: окна ее верхних этажей выходили на какое-то гражданское учреждение здравоохранения, где содержались беременные на сохранении и работал центр планирования семьи. Занятое соседство. Символичное.

В больнице располагалось терапевтическое отделение с большими, просторными палатами, кабинетами врачей и простенькой операционной, достаточной, чтобы что-то вырезать или зашить до приезда скорой помощи. Аптека и аптечный склад. Кабинет рентгена. Лаборатория, где когда-то можно было сделать некоторые анализы крови, но к моему приходу уже ничего толком не работало. Ну, и кабинет главврача и его зама. Здание большое, но совершенно не рассчитанное на нужный объем. На все 160 коек. Таким образом, инфекционное отделение располагалось на первом кресте и занимало половину второго этажа одного из режимных корпусов, а мое отделение занимало второй этаж второго креста. Флюорография была на территории сборного корпуса. Кабинеты для амбулаторного приема врачей-специалистов — на «кругу» первого и второго крестов.

Затем закрытый туберкулезный корпус, девятый. Это шикарный пример отечественной бюрократии, чванства и идиотизма. По правилам санитарии, любая туберкулезная больница должна

быть разрушена до основания после 30 лет работы, так как пресловутую палочку Коха извести невозможно в принципе. Девятый корпус прослужил в этой роли лет 50. Дальше его функционирование было невозможно, и к началу 2010-х годов его вывели из эксплуатации. А снести нельзя, так как весь тюремный комплекс «Кресты» находится под защитой ЮНЕСКО как архитектурный памятник. Его просто закрыли. Почти. Там осталось много хорошей сантехники, электрики и прочих лампочек, и его потихоньку разбирали для текущего ремонта не менее древних остальных корпусов.

Хотя, как по мне, далеко не все памятники нужно сохранять. И снести следует не только этот девятый корпус, но и всю тюрьму целиком. Поганое место. И место ему только в памяти тех, кто через него прошел, да еще любопытствующих историков. Сейчас для сохранения «памяти» достаточно документальных фотографий и видеоматериалов. А стены... А что стены? Черт с ними. Не должно их быть. Французы снесли Бастилию, и что-то не видно, чтобы хоть кто-то скорбел по этому поводу.

Еще был гараж для служебного транспорта — непримечательная постройка, в которой находились и кабинеты психологов.

Первое время я безбожно плутал и умудрялся заблудиться на территории, хотя блуждать там решительно негде.

Но тюрьма — это не только стены, но и сотрудники. Немного поподробнее о них. Далеко не о всех, но о тех, с кем я больше всего взаимодействовал. Как я их видел и понимал.

Тюрьма — это государство в государстве, построенное в лучших традициях марксизма-ленинизма (частной собственности нет, все средства на благо народа и прочее). Здесь есть

суверенные границы, нарушать и изменять которые нельзя. Здесь есть государь, «хозяин» — начальник тюрьмы, и его правительство — замы и начальники корпусов. Работники бюрократического аппарата и социальных структур (полиция, больницы и прочее) — рядовые сотрудники различных отделов и подразделений. И простой народ — спецконтингент.

И потому никуда не деться от двоевластия, подковерных игр, негласных коалиций и всего подобного. С одной стороны, мой непосредственный начальник — это главврач больницы. А с другой — администрация СИЗО, на которую мы и работали, от которой зависели и с которой больше всего взаимодействовали. Но об этом потом.

Под администрацией я понимаю «хозяина» — начальника СИЗО, от которого зависело решительно все. Его зама по оперативной работе. Начальника оперативного отдела. С другими службами мы взаимодействовали чаще в рамках должностных обязанностей, то есть это была рутина, необходимая и важная, но понятная и человечная.

Оперативная служба — самая нужная и самая паскудная служба в системе.

Мы зависели друг от друга.

Первое. Среди оперов полно уродов. Моральных уродов. Если в эту профессию приходит нормальный человек, он или спивается, или с высокой вероятностью морально деградирует.

Второе. Мы от них зависели в рамках должностных обязанностей.

Третье. Они от нас зависели с точки зрения нецелевого использования меня и моего отделения.

И все это сплелось единым клубком.

С одной стороны, они занимались профессиональными вопросами следствия, обеспечивая органы необходимой инфор-

мацией, так как, к сожалению, сотрудники правоохранительных органов в России не умеют работать. Львиная доля раскрытий строится на показаниях. А их нужно получить. И из подследственного добывают нужную информацию. Не так, как показывают в кино, подбрасывая к злым амбалам в камеру, а гораздо более изощренно. Зачастую даже не раскрывая намерений.

С другой — они контролировали жизнь внутри СИЗО.

Часть сотрудников оперативного отдела занимались дознанием и проведением оперативных мероприятий по поводу ситуаций, «эксцессов», которые происходили внутри изолятора. Почему-то на этих должностях обычно работают женщины. Мне повезло, почти пять лет это был прекрасный и чудовищный человек, который понимал суть событий еще до того, как они произошли. Основная ее задача состояла в том, чтобы вывернуть случившееся так, что никто не виноват, а произошло все «потому, что так бывает». Это касалось драк в камерах, членовредительства и прочего. Думаю, понятно, что мою жопу она прикрывала далеко не один раз. Когда она вышла на пенсию, на ее место пришли две молодые девицы. Не знаю, ее ли это заслуга, или так совпало, но работали они так же, как и она, то есть всегда последовательно и без лишних вопросов прикрывали мою жопу.

Другая часть оперов занималась всем, что не касалось бытовых вопросов. Они отвечали за размещение спецконтингента, контролировали этапы, запрещенные предметы и вещества, осуществляли взаимодействие с органами следствия и помогали им в раскрытии преступлений. Впрочем, я не знаю, да и не хочу знать досконально круг их должностных обязанностей. Если кратко — вся жизнь в тюрьме зависела от них.

За каждым режимным корпусом и специализированным отделением был закреплен оперативный сотрудник. Мой

был мне нужен ежедневно — к примеру, «перекинуть» людей из камеры в камеру я мог только по согласованию с ним. Но в этом он выступал только исполнителем, подгоняя бумаги в соответствии с фактической ситуацией. Другой пример — выписка из отделения. Здесь сложнее, так как мое мнение о здоровье пациента далеко не всегда совпадало с таковым у администрации.

Большинство вопросов, которые мы могли решить, — это поместить кого-то к себе на отделение. Либо просто передержать, либо спрятать. Гораздо реже это была именно «карательная психиатрия». При этом никогда не было прямых указаний или просьб. Могли быть намеки, полуфразы и подобные штуки. Но слишком много в этом мире можно понять и без слов. И со временем я стал играть в эту игру все более и более цинично.

Режимная служба. Режим.

Петр I в одном из своих указов писал: «Тюрьма есть ремесло окаянное, и для скорбного дела сего истребны люди твердые, добрые и веселые». Сотрудники режима в большинстве своем идеально соответствуют этому описанию. Как по мне, наименее профдеформированные люди работали именно в режиме. Их работа по-человечески понятна и не требует каких-то существенных сделок с собственной совестью. Они отвечают за соблюдение заключенными правил и требований внутреннего распорядка, санитарных и бытовых условий.

Поэтому именно режим становился первой мишенью для жалоб в контролирующие инстанции со стороны спецконтингента. Например, по нормативу на каждого заключенного должно приходиться не менее семи квадратных метров

площади. Удовлетворить это, в общем-то, законное требование режимник не может объективно, так же как и запретить зеку писать по этому поводу жалобы. И таких казуистических моментов множество. Всякие сломанные краны, порванные одеяла, перегоревшие лампочки и прочее — это работа режима. А так как в нашей системе всего и всегда не хватало, им приходилось изобретать весьма нетривиальные способы решения проблем.

Но периодически находились персонажи, которые настолько выкручивали руки и перегибали пресловутую палку, что режим обращался ко мне за помощью в том, чтобы облагородить этих ретивцев. К их нечастым просьбам относительно моей работы приходилось прислушиваться и помогать им по мере возможностей. Ведь я от них зависел гораздо больше, нежели они от меня: своевременное устранение коммунальных проблем было крайне необходимо для спокойствия на отделении. Долгое время начальником этой службы был бывший военный — круглолицый, неизменно веселый и добродушный подполковник, прошедший не одну военную кампанию. Мне казалось, что на этой работе он отдыхал. Все наши проблемы в его глазах выглядели как детский сад, и он их решал изящно и без лишних эмоций.

Младший руководящий состав. Это корпусные, выводные и, наверное, кто-то еще.

Корпусной был на каждом режимном корпусе, а также на специализированных отделениях. В течение своей смены (суток) отвечал за спокойствие и за любой кипеж. Он контролировал приход и уход людей, раздачу пищи, вывод зеков из камер. На моем отделении у корпусного была еще одна важная функция — в его кабинет были выведены мониторы видеонаблюдения из надзорных палат.